

В.Б. Борщев

Памятник

Еврейское кладбище в Малаховке, под Москвой. Надо пройти до самого конца, до болотца, которое отделяет кладбище от Казанской ж.д. Могила, памятник из черного гранита: Лидия Владимировна Кнорина, 20 августа 1944 – 4 июня 1994. Чуть ниже надпись на иврите, цитата из Библии: «И нашел камень, и поставил памятник».

Я действительно хотел поставить камень, почти необработанный. Наверное, сейчас это можно было бы сделать. Но тогда я быстро понял, что моего запаса энергии хватит только на стандартный памятник. И так пришлось много раз мотаться в какую-то мастерскую за городом, привозить шрифты для надписи, потом договариваться о перевозе и установке – «сервис» был еще советский.

С тех пор я «ставлю ей памятники». Уже в 94 году я издал книжку ее стихов¹ – она набрала их на компьютере в апреле, за полтора месяца до смерти. В 96 году выпустил сборник ее основных статей². Несколько статей удалось опубликовать в журналах. Сейчас делаю ее сайт³. Эта публикация, если она состоится, связана с сайтом. Борис Кушнер узнал о нем от наших общих знакомых, прочитал там текст Саши Раскиной, сам откликнулся – написал стихотворение и подал идею этой публикации.

* * *

В феврале 94-го она заболела гриппом. Почему-то не могла спать. Потом осложнение – острый психоз. Больница. Вроде бы выздоровела, начала работать. Но в мае, вдруг, тяжелая депрессия. 4 июня она покончила с собой.

* * *

Лида была лингвистом. Она закончила знаменитый ОСИПЛ – Отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Ей повезло – отделение это было тогда лучшей школой для подготовки лингвистов в Москве. Его создали энтузиасты “современной лингвистики” еще во времена оттепели. Причем создали не на голом месте, а в стенах старого университета. И этот энтузиазм долго сохранялся как среди преподавателей, так и среди студентов.

Лида стала ученицей Андрея Анатольевича Зализняка, наверное, лучшего советского лингвиста – посещала все его лекции и семинары, он был научным руководителем её курсовых и дипломной работ, а потом – и её кандидатской диссертации. Но в аспирантуру ее не взяли. Она рассказывала – они обсуждали с Зализняком какое-то место и он сказал: «Нет, это безнадежно. У вас целых три недостатка, вы – женщина, еврейка, беспартийная. Было бы два – можно было бы попробовать. А так...».

---

¹ Лидия Кнорина. Стихи и песни. Москва. Гуманитарный фонд. 1994.

² Л.В. Кнорина. Грамматика, семантика, стилистика. Москва. Институт русского языка РАН. 1996.

³ www.lidiaknorina.narod.ru Сайт еще в работе, но основные Лидины тексты там уже «висят». Есть и несколько текстов о ней.

И она почти всю жизнь работала в разных научно-информационных организациях, лингвистикой приходилось заниматься «в свободное от основной работы время».

Она была хорошим лингвистом, глубоким и независимым. Я писал тогда в упомянутом выше сборнике⁴:

«Лида опубликовала более 40 работ. Около десятка подготовленных статей ещё не опубликовано. Некоторые из них она закончила буквально в последние дни своей жизни. Остались тексты и незавершённых работ – большинство из них интересны и в том виде, в котором они остались. Тематика её работ чрезвычайно разнообразна. Лингвистические аспекты информационной деятельности. Русская грамматика. Семантика. Стилистика и поэтика. Лингвистические работы Ньютона и работы по лингвоконструированию в 17 веке. Еврейская лингвистическая традиция. Современный и библейский иврит. Стилистика Еврейской Библии и лингвистические комментарии к ней.

И это разнообразие отнюдь не было порханием по темам. Почти все работы были тесно связаны друг с другом. Я постараюсь хоть в какой-то мере проследить эти связи.»

Я как-то сделал это в той статье. Но здесь я не буду писать о ее работах.⁵ Коснусь только одной темы, связанной с последними ее работами – ее еврейства.

Лида говорила, что сама она, по большому счету, от антисемитизма не страдала. Ну, вот в университет сразу не попала, получила двойку по сочинению (был комментарий – грамматических и стилистических ошибок нет, но «не раскрыта тема»). В аспирантуру, как я уже писал, не смогла поступить. Но «еврейских комплексов» у нее не было.

Когда мы познакомились, она считала неприличным, если я спрашивал о ком-нибудь – а кто он по национальности? «Какая разница» – говорила она. Я говорил, что неприлично быть расистом, но сама по себе «национальная принадлежность» часто существенная черта личности и что «табуировать» эту тему – тоже вид ханжества.

Но постепенно эта тема стала занимать ее на другом, более глубоком уровне и в применении к себе: а что это значит – быть евреем в России? Особенно, если вынести за скобки, так сказать, внешние факторы – тот же антисемитизм, государственный и прочий, прошлый и современный – дореволюционные погромы, Holocaust, дело врачей.

Не только она сама, но и родители, и бабушки с дедушками, говорили по-русски, выросла она в русской культуре. Ее дедушка «по маме», Е.М. Аспиз, был знаком с Куприным (он даже упомянут в «Листригонах»), со Скитальцем, другими

---

⁴ В.Б. Борщев. О Лиде как о лингвисте. В сб. Л.В. Кнорина. Грамматика, семантика, стилистика.

⁵ Каждая Лидина работа по-своему интересна. Например, она перевела и прокомментировала первую научную работу 18-летнего Ньютона – «Об универсальном языке». Темой этой занимались крупнейшие ученые того времени, а Свифт их пародировал, описывая Академию Прожектеров в Лагадо. Эта работа Ньютона была опубликована совсем недавно, в 1957 г. И это не случайно, половина работ Ньютона до сих пор (!) не опубликована (кроме математики и физики он занимался языком пророков, теологией и алхимией).

писателями того времени. Отец Лиды, Владимир Яковлевич Барлас⁶, был литератором, членом Союза писателей, писал он, в основном, о русской поэзии, о Блоке, Хлебникове, Твардовском.

Никто в семье не был религиозным. Никакие обряды не соблюдались. Еврейство было чем-то трудно уловимым – оно было в каких-то движениях, в каких-то словечках. Но они знали, что они евреи. А государство удостоверяло это «пятым пунктом» в паспорте.

Это было время подъема еврейского самосознания в Советском союзе. Началась эмиграция. Многие друзья уезжали – в Израиль или в Америку. Лида уезжать не хотела. Массовый интерес к религии. Одна из Лидиных сестра стала хасидкой, а ее муж стал кем-то вроде рэбе. Естественно, они строго соблюдали все обряды. Лиде это было интересно, но сама она не была религиозной.

Начали появляться еврейские театры. Мы ходили с ней на какой-то спектакль, там был замечательный старый актер, игравший в свое время в театре Михоэлса, не помню уже его имя. Играли они что-то по Шолом-Алейхему, спектакль был хороший. Помню, после спектакля Лида хотела вручить цветы этому актеру, поднялась на сцену, а он зашипел на нее одними губами: «Немедленно уйдите со сцены», он явно боялся «проявлений энтузиазма».

А на меня наибольшее впечатление произвела публика – зал был полон, но мне казалось, что я там был единственным русским. Явно пришло много людей, которые вообще в театр не ходят.

* * *

В 90-м году мы съездили в Израиль. У Лиды там была тетка – брат ее бабушки эмигрировал еще в 20-е годы. И вот после этой поездки – крутой поворот в научной карьере, в жизни, поворот, реализовавший ее ответ на этот занимавший ее вопрос – что значит быть евреем в России. Приведу еще одну цитату из той же своей статьи:

«Ивритом Лида начала заниматься в 1990 году, за месяц до того, как мы поехали по частному приглашению в Израиль. Вернувшись, продолжала. К этому времени работа в ВИНТИ стала её тяготить. Слишком много времени уходило на то, что её мало интересовало. И тут открылась вакансия в отделе языков Института востоковедения. Там надо было заниматься еврейской лингвистической традицией. Комплексовала – менять если не профессию, то сферу деятельности в 46 лет, плохо ещё зная иврит, не зная ни арабского, ни арамейского... Решилась. Кстати, занятия “ньютоновской” темой несколько облегчили переход.

Больше всего её интересовала Библия. На том языке, на котором она была написана. И прежде всего, с лингвистической точки зрения. В 1992–93 учебном году она читала курс библейского иврита на ОСИПЛе, осенью 1993 года – в

---

⁶ Кнорина – фамилия Лиды по ее первому мужу. Лида считала эту фамилию латышской – отец и дядя ее мужа были из «латышских стрелков», дядя был известным человеком, членом ЦК и автором первой «истории партии». За что и был расстрелян тов. Сталиным, считавшим, что такому автору, как он сам, предшественники не нужны. Но недавно оказалось, что Кнорины – потомки шведских баронов von Knorring, переселившихся в Прибалтику лет двести тому назад. Один из Knorring'ов занимался родословной и нашел по Интернету ссылку на Лидину работу в нашей статье с Барбарой Парти (Barbara H. Partee) и написал нам.

Еврейском университете, а весной 1994 года – на кафедре истории и теории мировой культуры Философского факультета МГУ.

Летом 1993 года на Всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме она делала доклад о метафоре в Библии. Материалом был смихут – конструкция, аналогичная русскому генитиву. Пригодились семантические типы и занятия метафорой. А после конгресса в том же Иерусалиме на конференции преподавателей иврита сделала другой доклад – о преподавании иврита русскоговорящим – осмысливала свой, не очень простой опыт изучения иврита.

Читая традиционные комментарии к Библии, она вдруг поняла, что они содержат, по сути дела, лингвистический анализ библейского текста. Комментаторы не просто знали этот текст наизусть. Пользуясь термином из современной информатики, можно сказать, что в их головах хранился гипертекст – т.е. текст со всеми параллельными местами, соотношениями, связями. Для них это был текст Божественный. И если в разных местах, скажем, об одном и том же написано по-разному, то это нужно объяснить, понять Божественный замысел и с помощью комментария гармонизировать кажущееся несоответствие. Лингвист может не соглашаться с комментатором, но материал, содержащийся в комментарии, трудно переоценить. Об этом она писала в статье, посвященной классическим комментариям Раши.»

Эти последние годы она работала с громадным увлечением. Вдруг все совпало – и возможность полноценно заниматься наукой, и «еврейские» мотивы. Она нашла свою нишу – ее профессиональные интересы, весь опыт предыдущей работы и стремление постичь истоки еврейской культуры и традиции – все складывалось в этой работе. Работала она удивительно плодотворно. Опубликовала и подготовила к печати около десятка работ⁷. Еще несколько работ остались незаконченными.

Но напряжение было громадным. Прежде всего массу времени и энергии надо было затратить, чтобы по-настоящему выучить иврит, современный и библейский. Надо было «войти в область», прочитав массу литературы о Библии. Каждая статья стоила колоссального труда. Скажем, когда она занималась библейской метафорой, она, с помощью конкорданса, по многу раз просматривала весь текст Библии. Этот конкорданс уже позапрошлого века, с предисловием и пометами на латыни⁸, толстенный фолиант, до сих пор стоит в шкафу в моей московской квартире.

Это напряжение, наверное, и погубило ее. У каждого человека есть какой-то предел. У нее он был не очень высок. Я помню, когда мы только познакомились, она заканчивала свою диссертацию. Как я уже писал, это делалось, в основном, вечерами, в выходные дни после работы, «в свободное от основной работы время». И после защиты она долго приходила в себя, часто болела – от малейшего толчка, это продолжалось больше года.

---

⁷ Назову только некоторые из них: *The range of biblical metaphor in smikhut*, Мера за меру в библейском словоупотреблении, Лингвистические аспекты еврейской традиции комментирования, Стил Еврейской Библии, Грамматика Еврейской Библии, Лингвистический комментарий к Еврейской Библии, Пословный перевод Еврейской Библии с лингвистическим комментарием (последние две работы сделаны только на небольших фрагментах исходного текста), Ньютон и еврейская традиция.

⁸ *Veteris Testamenti Concordantiae Hebraicae Atque Chaldaicae. Summa cura collegit et concinnavit Solomon Mandelkern. Lipsiae. Veit et Comp, MDCCCXCVI.*

На этот раз эмоциональный подъем, с которым она работала, позволил ей продержаться несколько лет. Но потом этот случайный толчок, этот несчастный грипп – и она не выдержала.

* * *

Ее сестра Надя и муж Нади, Довид Карпов, просили меня похоронить ее на еврейском кладбище, по еврейскому обряду. Я подумал. И хотя, как я уже писал, она не была религиозной в, так сказать, традиционном смысле, мне показалось, что это будет правильно.

Текст впервые опубликован в журнале «Вестник» (Baltimore) No 18, 2002 г.